

122
и-20 ВЛАДИМИР ИВАНОВ

БЕСЕДУЮ С ТОБОЙ

КЕМЕРОВО
КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

P2
U-20

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

БЕСЕДУЮ С ТОБОЙ

СТИХИ

КЕМЕРОВО

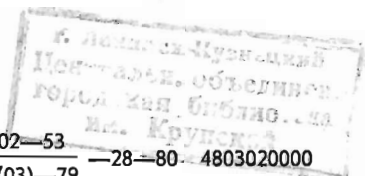
Кемеровское книжное издательство
1979

Р 2

п-12

Первая поэтическая книжка Владимира Иванова. В его стихах уверенно, по-хозяйски чувствуют себя и еж, и птица с перебитым крылом, и кони его детства, и многочисленные травы, цветы и деревья. Родниковой чистотой и свежестью напоила его лучшие песни родная земля, и любовь к этой земле добавила в эти песни щемящую ноту задумчивой печали.

152385

70402—53 —28—80 4803020000
М145(03)—79

© Кемеровское книжное издательство, 1979

ДОВЕРЧИВОСТЬ

Должен признаться, что при первом знакомстве творчество Владимира Иванова не произвело на меня особого впечатления. Стихи его показались мне слишком традиционными, слишком простыми, если не сказать простоватыми. Многие из его сверстников, одновременно с ним входящих в литературу, привлекали внимание необычным размером стиха, сложным ритмом, яркими и неожиданными образами, чем как бы приглушали его и без того негромкий голос...

Иванов держался в стороне, и даже в ожесточенных дискуссиях, так свойственных молодости, заметного участия не принимал.

Запомнилось, пожалуй, только несколько строчек из его первой попавшейся мне на глаза рукописи.

Первый снег.
И прохлада.
И воля.
И равнины нетронутый лист.
И гуляет по чистому полю
Звук, похожий на медленный свист.

Но зато эти строки остались во мне навсегда. И не однажды с тех пор, встречаясь с первой порошей, я ревниво удивлялся тому, как точно, музыкально и лаконично удалось Иванову передать ощущение самого начала зимы...

Шли годы. Стихи Владимира Иванова не раз обсуждались на занятиях литературных групп и областных творческих семинарах, изредка появлялись на страницах газет и альманаха «Огни Кузбасса». Иванов мягко, исподволь, ненавязчиво прокладывал свою дорогу к читателю. Конечно же, росло (не могло не расти!) мастерство, точнее становились строки, глубже впечатления — это процесс естественный и закономерный. Но в чем-то главном, глубинном Иванов оставался верным самому себе. Он по-прежнему не гнался — и теперь не гонится — за внешними эффектами, за непостоянной литературной модой. Родниковой чистотой и свежестью напоила его лучшие песни родная земля, и любовь к этой земле добавила в эти песни щемящую ноту задумчивой печали.

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что главная тема его творчества — единство всего сущего. В его стихах уверенно, по-хозяйски, чувствуют себя и ёж, и птица с перебитым крылом, и кони его детства, и многочисленные травы, цветы и деревья.

Я растворился.
Стал травой.
Землей и небом.
Мирозданием.
Точней сказать — самим собой.
Каким задуман.
Первозданным.

Может быть, в отрыве от контекста эти строки кое-кому покажутся риторичными, декларативными. Но вся загадка в том, что Владимир Иванов успевает настроить внимательного читателя на свою лирическую волну, и тогда процитированное четверостишие воспринимается как искреннее и даже слегка удивленное признание.

Нередко поэт пытается оживить неживые предметы, вдохнуть в них душу, и это придает его стихам особую эмоциональную окрашенность. Так, у него «избушки тихого селенья к восходу ставнями гребут», а в другом стихотворении «...поет в подойник молоко». Замени здесь слово «поет», казалось бы, более точным по смыслу словом «звенит» и мгновенно исчезнет очарование этой строки. Это — один из маленьких секретов большой поэзии.

В последнее время Владимир Иванов стремится к философскому осмыслению накопленного им лирического багажа; больше размышляет, чем наблюдает. Это отчетливо прослеживается в его стихах. И здесь, мне кажется, его больше всего беспокоит, как бы логическая мысль не вмешалась в естественный ход событий, не помешала ему, не нарушила «разумной соразмерности начал». Доказательством могут служить такие разные его стихотворения, как «Встреча», «Горизонт не светлеет», «Подобрал я ее у болот».

Улицу перебегают
Света четкая струя,
И крадется мысль нагая
К вечным тайнам бытия.

На поверхностный взгляд вся строфа может показаться декларативной, а «вечные тайны бы-

тия» — литературным штампом. Но эту поэтическую фразу поднимает до определенных лирических и, если хотите, философских высот весьма характерное для Иванова выражение: «...крадется мысль нагая...» Именно крадется! Хотя нетрудно найти более энергичный глагол — стремится, рвется, летит. Но внимательный читатель без труда обнаружит, что любое из этих слов уничтожит гармонию осторожного прикосновения к тайнам. И именно нагая — лишенная одежд, состоящих из формул и формулировок...

Органичное, естественное слияние человека и природы, бесконечное внимание ко всему живому (содержание), задушевность и доверительность интонации (форма) — вот наиболее сильные стороны лирики Владимира Иванова. Очевидно, именно здесь, на этом пути его ждут новые открытия, находки и удачи.

И. КИСЕЛЕВ

ДОМИК НАШ — ЗЕМЛЯ

1

Как долго ждет природа обновления!
Вот, наконец, и обозначен крен —
и на земле,
как в первый день творенья,
настало время бурных перемен.

Вот этой луже —
завтра плавать в небе.
И рыхлый снег кипит, журчит давно.
И в почве,
там, откуда выйдет стебель,
уже лежит и теплится зерно.

И что вчера казалось хмурой высью,
сегодня синевой обдает...
И сердце радо,
что течение мысли
сливается с течением талых вод!

2

В дни, когда ручей вовсю лопочет,
каждый час
отмечен новизной,
как волнует горький воздух почек,
шум берез,
дымок над головой!..

Но вдвойне дороже мне все это
оттого,
что домик наш — Земля,
может быть,
всего
одна планета,
где витают
запахи жилья...

Сошли снега.
В груди просторно.
И вновь все помыслы ясны
под этим буйным и задорным
зеленым парусом весны!
И вновь природа волшебствует.
И вновь, добрее становясь,
душа поет и торжествует
с землей живительную связь!

4

Снова слетелись грачи,
бойко орут их ватаги.
Снова лесные ручьи
юрко ныряют в овраги.

Хоть скособочился путь,
грязью облеплены ноги, —
радостно песни тянуть
вдоль по размытой дороге.

Капает небо с вершин.
Вот и зима пролетела...
Солнце к зениту спешит,
руки — к любимому делу.

Час вечерний.
Тают тихо тени
и поет в подойник молоко.
Тянет дымом,
 свежестью весенней
и видать далеко-далеко.

Вот и месяц огибает крышу —
мягким светом высвечен порог.
Вся земля теплом подлунным дышит,
и шуршит пробившийся росток.

Родина.
Вечерняя прохлада,
говор сада
да ночная тишь...
Для чего все это сердцу надо, —
и не скажешь,
и не объяснишь!

6

Макушка лета.
Ковыли
ложатся челочкой земли,
зрачком бездонной синевы
росинка в чашечке живет.
И чей-то голос
из травы
к себе прислушаться зовет...

7

Полыхали зарницы всю ночь
на исходе дождливого лета.
Мне никто
был не в силах помочь...
Как длинна была ночь до рассвета!

И покуда
светило взошло
и завеса ночная упала —
сколько мрака
на душу легло
и тревоги
мне в сердце запало!..

Уже предосенней прохладой
повеяло в светлые дни...
Помедли, пора листопада,
помедли,
повремени!
Покуда в густеющих кронах
еще ни рыжинки одной
и, дружно взбираясь по склонам,
зеленый шумит травостой,
пока на планете любимой
листве надо мной шелестеть, —
мне многое надо обдумать
и многое надо успеть.

152385—
 Стекает
 листвы позолота,
 меняют
 наряд свой леса,
 и катится вдаль
 над болотом
 последняя нынче гроза.
 Услышав тот гром с небосвода,
 спешу оглянуться назад:
 там годы —
 порошние годы! —
 как бочки пустые, гремят!

Вращается локатор.
Бегут за днями дни.
Багровые закаты.
И мы... одни... одни...

На плечи село солнце.
Длиннее тень легла...
Куда же мы несемся,
Земля?!

11

Мы
с тобой —
неосторожны.
Что же ждет нас
впереди?
И когда я в час тревожный
припаду к твоей груди, —
слышу в сердце перебои...
Что же станет с тобой,
наше ядрышко живое
в оболочке голубой?

Пока живу,
к тебе притянут делом,
кружи меня,
кружи, земля моя!
Не отпускай до срока
за пределы
прекрасного
земного бытия!

★ ★ ★

И снова веселая встреча,
и снова за шумным столом
все те же заводим мы речи
об этом, о том и о сем...
Хотя я люблю разговоры,
охотно и сам говорю,
но все же, устав от повторов,
все чаще тропинку торю
туда,
где уже спозаранок,
не зная, что создан словарь,
по рощам, лесам и полянам
поет бессловесная тварь...

★ ★ ★

Была земля голым-гола,
от зимних дней мерзлым-мерзла,
но отогрелась, ожила.
И, розовея,
горит соцветие кипрея,
на тонкой ножке ветру вслед
головки клонит горицвет.
Тысячелистник, зверобой
и мягкий спорыш под ногой!
Поляна летом вся пропахла!..
Который раз, который год
природа восстает из праха,
сама себя воссоздает!

ЕЖИК

Чуть выставив мордочку лисью,
ежонок бежит по опушке.
На иглах — опенок и листья,
и дикий ранет на горбушке.

Беспечный детеныш природы!..
Средь многих тропинок плутая,
как много нашел он находок,
взамен ничего не теряя!

ПТЕНЕЦ

В траве птенца я подобрал,
он был так жалок и так мал!
Но я сказал ему:
— Лети!
Счастливого, малыш, пути!
— А ну смелей! — я повторил,
свои ладони растворил...
И вот он,
тело накренья,
все дальше, дальше от меня —
земной восторг,
небесный страх
несет
на трепетных крылах!

ИСТОКИ

Взмахи веток и солнце с утра,
вздохи ветра и ливня потеки,
хрупкий голос кивающих трав...
Вот они,
этой жизни истоки!

Как токует оглохший глухарь
и кукушка как славно кукует!
Даже самый толковый словарь
так доступно про мир не толкует!

КОЛОКОЛЬЧИК

В небе стаи курлычут прощально,
и листва облетает окрест.
В эту пору не знаю печальней
наших хлюпких болотистых мест.
И когда я бродил по раздолью,
тем себя лишь порадовать смог,
что заметил на краешке поля
не по-здешнему синий цветок.
Тучи с севера зиму пророчат,
но про это ему невдомек...
Что ж так поздно расцвел,
колокольчик,
безрассудный ты мой погремок?..

* * *

Ушел я на зеленый зов,
оставив дома все заботы,
И вот живу среди ветров,
в кругу зверей,
среди природы.
Я растворился.
Стал травой.
Землей и небом.
Мирозданием.
Точней сказать, самим собой.
Каким задуман.
Первозданным.
И долго длился этот миг...
Пока меня,
смущая душу,
не заслонил собой двойник,
упрямо вырвавшись наружу...

★ ★ ★

С покоса по утренней влаге
я шел за водой родниковой.
В глухом нелюдимом овраге
сидел человек незнакомый.
Навстречу открыто я вышел,
приветствие молвил — запнулся:
ни слова в ответ не услышал,
на голос он не обернулся.
Я понял, что звать — бесполезно.
Ни с кем не желая встречаться,
как зверь на период болезни,
подальше забился он в чащу...
Себя устыдясь почему-то,
тихонечко, крадучись воров,
ушел я.
В такие минуты
не стоит пытаться разговором.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Горизонт не светлеет.
Мерный шум у виска.
С неба сутками сеет
обложная тоска.

Но для чахлых растений,
для деревьев и нив
это очень весенний
и целебный мотив!

Он из облачных клочьев
льется вниз головой
и на тощую почву
наплывает травой.

Потому и не смею
горевать я,
пока
с неба сутками сеет
обложная тоска.

ВСТРЕЧА

У лесного водопоя
повстречались в мире двое.
Первый,
вглядываясь в прорезь,
жадно целился,
пока
тот, рогатый,
в воду вперясь,
шумно втягивал бока.
Над речушкою небыстрой
по макушкам темных пихт
прокатился гулкий выстрел,
прокатился и затих.
Эхо смолкло за горами,
снова птицы стали петь.
...Как старался он
ногами
удержать земную твердь!

СОМНЕНИЕ

Подобрал я ее у болот.
Ковыляла несчастная птица.
И вот нехотя пищу берет,
воду пьет, у окошка томится.

И куда ей теперь без крыла?
Ну а здесь что за жизнь — без свободы?
Может, зря меня жалость взяла,
зря вмешался в законы природы?..

Первый снег.
И прохлада.
И воля.
И равнины нетронутый лист.
И гуляет
 по чистому полю
звук,
 похожий на медленный свист.
Словно чьи-то душевные муки,
отделившись от тела давно,
ходят-бродят по нашей округе,
сочетаясь в созвучье одно.
Только звук!
Нарастая.
По полю.
Вот и в сердце победно проник!..
И так сладко
 спасительной болью
разрешился мучительный миг.

★ ★ ★

Вот солнце, выкатившись, гонит
холодный воздух со двора,
а снег сжимается и стонет...

Пришла пора,
моя пора!

Когда под грохот ледохода
легко по берегу бредешь —
и эту жизнь,
и эти годы,
последний снег
и первый дождь —
все высшим благом сознаешь!

★ ★ ★

Мы ищем созвучий
с грохочущей тучей,
мы пишем про зимы,
о снежной крупчатке —
но где-то незримо
пройдет опечатка.

В итоге — досадно, —
выходит неладно:
выходят лишь слепки
с периодов года,
что мудро и слепо
напишет природа.

★ ★ ★

Зажглась веселая заря!
В седые ветви ноября
влетали птицы торопливо,
а мы — в вагон.
И — в путь счастливый!
Колеса застучали дружно
до-мой, до-мой,
до-мой, до-мой!
Пришел конец армейской службе,
безотпускной и затяжной!
Когда я в тамбуре вагонном
себя доверил тишине
и слился с миром заоконным —
подумалось невольно мне:
страна всех обучает нас,
как защищать ее границы,
но не дай бог,
чтобы хоть раз
наш грозный опыт
пригодился!..

На родину еду.

На родину еду.

Змеится дорога,

купаясь в пыли.

Поляны и рощи

то тянутся следом,

то вдруг выплывают

из дальней дали.

И все, что ни вспомню,

овеянный грустью,

под мерные скрипы тележных колес,

порою подступит —

мелькнет и отпустит,

порою подступит —

доводит до слез.

По тайному зову,

по давнему следу,

сквозь редкий околок

вдоль хлебных полей

на родину еду.

На родину еду.

Поездки все реже...

И путь все длинней...

И снова пространство покоя и грусти
в мерцающей дымке родимых берез
порою подступит —

мелькнет и отпустит,

порою подступит —

доводит до слез...

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

1

Я еду верхом на коне,
к отцу снарядили с едой.
Буденовка деда на мне
с остроконечной звездой.

Вот солнце уходит с небес.
Въезжая в Разбойничий лес,
я крепче прижал узелок —
выцветший мамин платок.

У страха глаза велики.
Мой конь убыстряет шаги.
Вот поле.
А вот и луна.
Вот и сушилка видна...

Отец на току сторожит,
с ним рядом я, греясь, прилег...
А сверху с улыбкой глядит
ласковый бабушкин бог.

Чудится:

дорога,

тихий август,

с мукомолья одинокий воз.

Ветер освежительную влагу

на хлеба дозревшие занес.

Перед взором —

ночь и мирозданье,

под спиною —

теплая мука.

И такие обнажают дали,

плавно проплывая, облака!

Вот луна за тучку забежала —

проступает ярче

Млечный Путь.

Наш гнедой

своим упругим шагом

сокращает

свой привычный путь.

Внутреннее с внешним так согласно,

что себя я чувствую во всем.

Мир прекрасен.

И земля прекрасна —

вертится —

и все тут! —

колесом!

НОЧНАЯ БЕСЕДА

Мы с тобой в дороге дальней,
мой попутчик-новосел.
Ты в купе
исповедальный
разговор со мной завел.
Пусть была случайной встреча,
но готов поклясться — нет! —
мы с тобой не просто вечер —
мы знакомы много лет...
Пьем чай, хрустим печеньем.
Между тем ты говори —
буду слушать от вечерней
и до утренней зари:
оттого, что в круговерти
жизнь проходит впопыхах,
мне вдвойне дороже эти
вспышки сердца на устах.

ГЛУХОЙ УГОЛ

Огни.

Река.

Да звезд вращенье,
да с тихим скрипом там и тут
избушки ветхого селенья
к восходу ставнями гребут.
Но прежде чем рассвету литься,
но прежде чем луна сгорит,
вдали всю ночь
под шелест листьев
калитка с ветром говорит.
И воды плещутся негромко.
И слышны вздохи вдалеке,
как будто кто грустит о ком-то
на очень древнем языке,
и словно кто кого окликнул
в своей наивной простоте.
Но путь забыт,
но кров покинут,
и вздох растаял в пустоте...

Здесь мною ничто не забыто.
И манит по-прежнему даль.
В природе так нежно сокрыта
моя луговая печаль.
И сердце под небом угрюмым,
забыв неумеренный нрав,
тревожится позднею думой
озябших полей и дубрав.
А в небе — последние стаи,
их в путь провожаю рукой.
Хоть грустно, но все же, я знаю,
они возвратятся домой.
Мы тоже вернемся к истокам.
Но прежде, чем стану травой,
готов я бороться жестоко
за благо
остаться собой.

★ ★ ★

И вот решусь.
Билет возьму,
приеду в Банново под вечер,
войду в наш дом
и обниму
своих стареющих,
невечных.

Как сдали вдруг отец и мать!
От этой мысли повзрослею,
а слов
единственных
сказать
им толком так и не сумею.

И лишь спрошу:
— Ну что ж ты, мать!
Приехать обещалась вроде?
Она:
— А мыть,
варить,
стирать?

Корова,
 грядки в огороде...

И лишь спрошу:

— А как, отец,
дела твои
и как здоровье?

А он:

— Замучился вконец,
к ненастью поясницу ломит.
Приснилось ночью про войну,
проснулся от колючей боли...

Порой я так себя виню
за их бесчисленные хвори!
И в ту войну и много позже
они все выдюжить сумели.
Какой кусок эпохи прожит,
какие годы прогремели!

Теперь бы им по чести всей
снимать на пенсии усталость.
Так нет!

 По милости детей
дел не убавилось под старость.

Я помогаю как могу
с покосом,
на зиму дровами.

Но все ж,
в каком живу долгу —
того не выразить словами...
И потому
на вас всегда
гляжу, прощаясь, виновато,
мои любимые,
родные
и отходящие к закату...

НЕНАСТЬЕ

Скрипит и мечется флюгарка.
Конец сырого октября.
Опять невзрачнее огарка
горит унылая заря.
Все тот же мрак на небосклоне
и те же ветры за стеной,
все так же длится межсезонье
и тянет сыростью сквозной.
Сидишь безвыездно в глубинке,
и время движется едва,
и гибнут первые снежинки,
шумит последняя трава...
Когда же выйдут сани в поле
и станет зеркалом река?
Когда сойдутся поневоле
и лягут пухом облака?
Когда застынет хлябь в округе?
Когда ж на сотни верст кругом
зимы серебряные руки
закружат мир веретеном!

Александру Полуситову

Снова мы едем в деревню.
Кружится праздничный снег...
Потчуют снова вареньем,
ставят домашнюю снедь...

Здесь за безделье не спросят,
Бродим с ружьем за спиной.
Кто же мы?
Праздные гости,
прибыли на день-другой.

В чащи знакомые лезем,
рушим податливый наст...
Если мы завтра уедем,
мало кто вспомнит о нас...

Там, где в обнимку с тобою
мы возвращались с лугов,
солнце растопит весною
выступы наших следов.

УТРОМ

Вот сняли щеколду со двери.
Вот женщина,
щурясь слегка,
сошла
по скрипучим ступеням
с ведром
надоить молока.
Вот сонная,
жмурясь,
буренка
лениво стоит над ведром
и ластит телка-несмышленка
шершавым
большим языком...
Глоток
деревенского лета,
преддверие жаркого дня.
Знакомые с детства приметы
опять окружают меня.

КРАПИВА

Приехал, соскучась, в деревню,
прошелся по ней босиком,
отведав сметаны, варенья,
на речку махнул прямиком.
А после купанья он полем
вернулся для новых утех...
Вовсю наслаждался привольем,
теперь пообедать не грех.
А дома и впрямь уж хлопочут
и ломится стол от харчей.
И гость предовольно хохочет:
— Еще из крапивы бы щей!
Но в этом ему здесь откажут...
Он сам осознает вину,
когда с укоризною скажут:
— Она... надоела... в войну...

★ ★ ★

Уйдем, простясь по доброй воле,
живем вдали родимых мест.
А там без нас тоскует поле
и сиротеет волглый лес.

Растем. Спешим. Выходим в люди.
Наш день заботами набит...
Природа-мать не обессудит,
поймет и многое простит.

А лист на веточке повиснет
и птиц начнется перелет —
она тревожно нас окликнет,
из детства весточку пришлет...

Она детей своих тревожных
не часто может лицезреть.
Но все ж спасает нас как может
и не дает нам оскудеть.

ОТЛЕТ

Мы сена вдосталь накосили,
дров запасли на целый год.
Теперь родители на зиму
избавлены от тех забот.
Пройдусь по полю вкруговую,
по лугу блеклому пройдусь.
Ручей студёный поцелую,
глотком последним обожгусь.
И ночь у стога я застану
и скоротаю у костра,
а там пристроюсь к каравану
и — в путь...
Пора, давно пора!
Уже ветра зимой дохнули,
зёмля чернеет, а над ней
в холодно-матовой лазури
летит за тридевять морей
косая снизка журавлей!

★ ★ ★

Я знаю: лишь встречусь с тобой —
и станет теплей на планете.
Но мне ни понять, ни ответить,
с чего я с тобою такой:

чуть вспыхну — внезапно стихаю.
Не знаю и сам, что творю!
Так нежно тоскую стихами,
так грубо с тобой говорю.

★ ★ ★

Не жги за собой переправы,
оставь это дело другим.
Хочу, чтобы в славе ль, без славы,
был вечно тобою храним.

Под грузной житейскою ношей
хочу до последнего дня
остаться таким же хорошим,
каким полюбила меня.

★ ★ ★

Как много печали в разлуке!..

Вот здесь ты секунду была,
где, свесив зеленые руки,
в саду замирает ветла.

Ты в роще незримо витаешь...

Тебя я хочу остеречь:
опасно порой залетаешь
на пламя березовых свеч!

Не верю в разлуку-остуду!..

Сегодня со мной тебя нет,
но вижу:
мерцаешь ты всюду,
куда простирается свет.

★ ★ ★

Горят миры на наших небесах
и тысячи,
и миллионы лет.
Иные звезды обратились в прах,
но к нам от них
еще несется свет.

...Лечу к звезде!
И об одном молю:
когда вблизи рассеется туман,
о холод ночи!
Женщину мою
не обрати в светящийся обман!

Найду настоящего друга.
Ко мне он с мороза войдет,
протянет улыбчиво руку,
доверчиво руку пожмет.
Забудем, где правда, где сказка:
нам незачем тайны беречь;
начнем без особой завязки
свою безоглядную речь.
Неумно? Допустим. Так что же!
Пускай говорят нам в укор:
«На что это только похоже?
Никчемный ведут разговор!..»
Но эти пустячные были
я больше всего бы ценил:
неважно, о чем говорили,
ведь главное —
с кем
говорил!

★ ★ ★

Стояло солнце у зенита.
Был день обычный, трудовой.
Был день ничем не знаменитый,
с привычным шумом за стеной.
Звенело, лязгало в округе
и рокотало, как струна...

Но вот мгновенно смолкли звуки
и наступила тишина.
И стало вдруг тревожно в доме.
И по стеклу сбежала тень,
как будто в полдень
на изломе
внезапно оборвался день.

НОЧЬ

Потонули в позднем мраке
горы, доли и дома.
Вой тоскующей собаки.
За окном трещит зима.
Улицу перебегают
света четкая струя.
И крадется мысль нагая
к вечным тайнам бытия.

ТРЕВОГА

Подступает темный вечер.
Я один.
Пустынно в мире.
Лишь дрова сырые в печке
только-только задымили.
И пока в кирпичной пасти
пожираются поленья,
ухожу в свои напасти...
В сердце —
боль и сожаленье.
За окном блеснуло утро,
солнце тусклое пробилось.
Где спасительная мудрость?
Ничего не прояснилось.
Забинтованное поле,
с неба падает усталость...
Память мне дурная, что ли,
в наказание досталась?

Но зачем, скажите, надо
все хранить,
что было где-то,
вспоминать потом с досадой,
тихо мучаясь при этом?..

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Бродить по тропке полевой,
лесной,
 поросшей иван-чаем.
Стоять под этой синевой,
насквозь просвеченной лучами...
Наверно, это навсегда —
твердить опять в своем напеве,
что нажурчала мне вода,
что нашептали мне деревья.
Когда завижу рощу,
рожь
и нашу Томь, и даль за нею, —
хочу унять глухую дрожь,
но сердцем плохо я владею.
Наверно, сколько ни бродить
и как прожить мне ни придется,
с землей связующая нить,
как ни тяни,
не оборвется...

★ ★ ★

«...мгновенье! Прекрасно ты,
продлись, постой!»

«Фауст» И. В. ГЁТЕ

Нет,
я не стану тормозить
полет секунд себе в угоду:
страшусь мне близких обделить
и тех, кого не знал от роду.
Да что там!
Я за всех других
боюсь — за недруга и друга.
Страшусь за тех, кто в этот миг
в больнице под ножом хирурга.
И за себя: вдруг день придет
и безысходный миг настанет,
а кто-то времени полет
в восторге замереть заставит...
Живу. Тржусь. Мечтаю. Зрю.
И, может быть, ничто не ново.

Но все равно, — я говорю, —
пусть мчится жизнь без остановок:
мгновенье с вечностью сольется —
печаль от сердца отлетит,
а боль по телу рассосется...
И, значит, можно дальше жить!

Мой старый угрюмый приятель,
беседу завяжем едва,
твердит мне некстати и кстати
известные в общем слова:

«Что — жизнь?

Да прыжок до могилы,
мучительно долгий прыжок!

Вот так-то,

наивный и милый

мой юный товарищ-дружок.

Я много поездил по свету.

Что — счастье?..

Да розовый дым!

А истину горькую эту

добыл я загревком своим...»

Толкует он резко и веско,

быть может, имея права.

Я слушаю все с интересом,

но верю —

в другие слова.

ТИШИНА

Поздний час.
Тишина на дворе.
Темный полог завесил просторы.
И вполнеба, подобно заре,
полыхают вовсю
хлебозоры.

Осень.
Просится в почву зерно,
спелый колос к земле нагибая.
Ну и что же —
так быть и должно.
Эту осень
заменит другая.

Всем живущим
означен предел,
все цветущее
падает в землю.
Эту суть
я постигнуть сумел,

но пока я ее
не приемлю!
И с тоской не гляжу, как в начале,
отцветающей юности вслед:
ведь пронзительней
 видятся дали
оттого,
 что прибавилось лет.

★ ★ ★

Из ряда привычных явлений,
сквозь толщу событий и лет
порою проступят
виденья,
которым названия нет.

Но в эти минуты наитья
за словом в карман не спеши:
пусть тайны неожиданных открытий
побудут в глубинах души.

Быть может, ты в мире не новом,
где фразы привычно твердим,
и сыщешь заветное слово
на радость себе и другим.

ПЕТУХИ

Л. Гержидовичу

В час, когда в ночной тиши
бьюсь над тайной слов,
запевают петухи
в сотню голосов.

Папироску потушу,
окна растворю:
опевают петухи
новую зарю...

Кто учил их простоте
звонко запевать
и на самой высоте
круто обрывать,

преждевременную речь
отстраняя прочь,
дни — заботам приберечь,
а для песен — ночь?

★ ★ ★

Если в чем-то порой ошибусь,
поскорей за работу берусь.
Чем бугристей вспухает мозоль,
тем скорей забывается боль.
Тем быстрее перельется тогда
горечь опыта
в радость труда.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Участь давнего поэта...
Жил в тисках казенных дел,
ни вниманья, ни привета
и ни славы не имел.
Но когда смежил он веки,
чашу жизни осушил,
всем прекрасным в человеке
все простил
и все забыл, —
вдруг нечаянную милость
проявила высота,
и на холм сама скатилась
запоздавая звезда...

ВЫБОР

...И день долгожданный настал!
Я вошел в совершенные лета.
Отец мой пришел и сказал мне:
— Мой сын!
Вот и ты стал опорой!
Даю я тебе, как и братьям,
коня и участок земли.
Старею...
На пашне меня замените.
И род наш, и дело трудом умножайте.

...И стала мне пашня на годы отрадой.
Мой конь кареглазый
игрuneвой масти,
с волнистою гривой,
звездою во лбу,
он радовал сердце,
он честно трудился на пашне со мной.

Однажды по утренней зорьке
пошел я пригнать лошадей
и — замер:
на фоне небес золотых
мой конь проносился по лугу,
почти не касаясь земли!
На солнце блестели
изящные крылья!
Огонь из ноздрей вырывался
и звезды взлетали с копыт.
И в гордой осанке,
и в беге летящем —
иные повадки
и поступь иная.
Почти не дыша
и сдвинуться с места не смея,
любуюсь виденьем...
Не чудо ли это?!
На эту вот сказку,
на диво такое
как смею теперь я накинуть хомут?
Коня ли такого
на пашне изматывать плугом!
Но только... что я скажу отцу-матери?

Мой конь кареглазый
игренивой масти
с волнистою гривой,
звездой во лбу!..

о нас, стариках?

Что же долу глядишь?

Может, что потерял?

Я отвечаю родителям:

— Терять ничего не терял,

но пока и найти не могу.

Простите меня,

отец мой и мать.

Надежды я ваши

развеял по ветру.

Мой конь застоялся в конюшне.

Пора нам в дорогу...

Прощайте!

СЧАСТЬЕ

За приятельской беседой,
в окружении ль чужих,
в поздний час и в час рассвета
ожидаю светлый миг.

Миг!

Когда сквозь дым волненья
дальний отзвук надо мной
вдруг блеснет, как озаренье,
станет громом и строкой!

Жду минуты неминучей
с тайной дрожью в глубине...
То-то счастье, если участь
на всю жизнь такая мне!

А эта страсть неистребима,
необъяснима, непроста:
сидеть, склонившись одержимо,
над белой магией листа.
Но чем скупей, тем сокровенней
в глуши, от праздных глаз вдали,
кто пишет повесть поколенья,
а кто — дневник родной земли...
И пусть закончить дело жизни,
как водится, не хватит дней,
и пусть не всех моя Отчизна
удержит в памяти своей, —
но час пробьет — и тут, не скрою,
не очень станем мы тужить,
к земле прилепимся душою,
а значит, будем дальше жить.
Кто журавлем, а кто ветлою
вернемся в этот мир опять
трубить над вашей головою
и листья под ноги ронять.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Киселев. Доверчивость	5
Домик наш — Земля	9
«Как долго ждет природа обновленья!..»	9
«В дни, когда ручей вовсю лопочет...»	10
«Сошли снега...»	11
«Снова слетелись грачи...»	12
«Час вечерний...»	13
«Макушка лета...»	14
«Полыхали зарницы всю ночь...»	15
«Уже предосенней прохладой...»	16
«Стекает листвы позолота...»	17
«Вращается локатор...»	18
«Мы с тобой...»	19
«Пока живу...»	20
«И снова веселая встреча...»	21
«Была земля голым-гола...»	22
Ежик	23
Птенец	24
Истоки	25
Колокольчик	26
«Ушел я на зеленый зов...»	27
«С покоса по утренней влаге...»	28
Межсезонье	29
Встреча	30
Сомнение	31

«Первый снег...»	32
«Вот солнце, выкатившись, гонит...»	33
«Мы ищем созвучий...»	34
«Зажглась веселая заря!..»	35
«На родину еду...»	36
Воспоминания о детстве	38
В поезде	40
Ночная беседа	41
Глухой угол	42
«Здесь мною ничто не забыто...»	43
«И вот решусь...»	44
Ненастье	47
«Снова мы едем в деревню...»	48
Утром	49
Крапива	50
«Уйдем, простясь по доброй воле...»	51
Отлет	52
«Я знаю: лишь встречу с тобой...»	53
«Не жги за собой переправы...»	54
«Как много печали в разлуке...»	55
«Горят миры на наших небесах...»	56
«Найду настоящего друга...»	57
«Стояло солнце у зенита...»	58
Ночь	59
Тревога	60
Предчувствие	62
«Нет, я не стану тормозить...»	63
«Мой старый угрюмый приятель...»	65
Тишина	66
«Из ряда привычных явлений...»	68
Петухи	69
«Если в чем-то порой ошибусь...»	70
Иннокентий Анненский	71
Выбор	72
Счастье	76
«А эта страсть неистребима...»	77

ИБ № 427

Владимир Васильевич Иванов

БЕСЕДУЮ С ТОБОЙ

Стихотворения

Обложка Н. Кофанова. Редакторы Л. Глебова, И. Киселев. Художественный редактор А. Ротовский. Технический редактор Г. Манохина. Корректор Е. Тимощук.

Сдано в набор 14.08. 1979 г. Подписано к печати 26.10. 1979 г. Формат 60×84¹/₃₂. Бумага типографская 1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,33. Уч.-изд. л. 1,85. Тираж 5000 экз. ОП22796. Заказ № 12189. Цена 20 коп. Кемеровское книжное издательство. Кемерово, Ноградская, 5. Кемеровский полиграфкомбинат. Кемерово, Ноградская, 5.

20 коп.